
ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

УДК 82(091)(4/9)

МАНЬКОВСКИЙ А.В.¹ А.А. ГРИГОРЬЕВ И А.А. ФЕТ: РАКУРСЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ. (Обзорная статья).

DOI: 10.31249/lit/2022.04.07

Аннотация. Тема «А.А. Григорьев и А.А. Фет», несмотря на свою относительную изученность, до самого последнего времени продолжала привлекать внимание исследователей. Чаще всего Фет и Григорьев сопоставляются как поэты, вместе делившие молодость, и как авторы мемуаров, в которых немало пересечений; при этом А. Фет – объект критических статей Ап. Григорьева – коррелирует с Ап. Григорьевым – персонажем автобиографической прозы Фета. Некоторые результаты сопоставлений приводятся в обзорной статье.

Ключевые слова: А.А. Григорьев; А.А. Фет; «Кактус»; «Стихотворения А. Фета» (1850); «органическая» критика; лирическая поэзия; автобиографическая проза.

Для цитирования: Маньковский А.В. А.А. Григорьев и А.А. Фет : ракурсы сопоставления. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 4. – С. 101–120. DOI: 10.31249/lit/2022.04.07

MANKOVSKY A.V. Apollon Grigoriev and Afanasy Fet: points of comparison. (Review article).

¹ Маньковский Аркадий Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Abstract. Despite the topic “Apollon Grigoriev and Afanasiy Fet” is fairly well studied it continued to attract attention of researchers until very recently. Most often Fet and Grigoriev are compared as the poets who spent their youth together and as the authors of memoirs, in which there are many intersections; at the same time Afanasy Fet as the object of Apollon Grigoriev’s critical works correlates with Apollon Grigoriev as a character of Fet’s autobiographical prose. Some results of this comparison are presented in the review article.

Keywords: Apollon Grigoriev; Afanasy Fet; *Cactus*; *Poems by A. Fet* (1850); “organic” criticism; lyric poetry; autobiographical prose.

To cite this article: Mankovsky, Arkadiy V. “Apollon Grigoriev and Afanasy Fet: points of comparison. (Review article)”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2022, pp. 101–120. DOI: 10.31249/lit/2022.04.07 (In Russian)

В отличие от тем «Ап. Григорьев и Тургенев» или «Ап. Григорьев и Блок», как будто бы себя исчерпавших, тема «Ап. Григорьев и Фет», судя по исследованиям последних лет, продолжает привлекать внимание ученых. Так было и в конце нулевых, и в десятые годы, и в промежутке между двумя юбилеями: Фета (2020) и Ап. Григорьева (2022). Наиболее часто сопоставление А. Фета и Ап. Григорьева проводится в одном из направлений: 1) поэты различного масштаба и разных темпераментов, однако вместе, в течение какого-то времени, делившие молодость, испытывая обоюдное влияние (что отразилось и на тематике некоторых стихотворений их обоих); 2) авторы мемуаров, в которых представлены важнейшие эпохи русской общественной жизни. Еще два направления связаны с предыдущими: 3) Ап. Григорьев – персонаж мемуарно-художественной прозы Фета; 4) А. Фет – объект критических статей Ап. Григорьева.

Л.В. Чернец в статье «О литературных друзьях А.А. Фета (к проблеме поэтического языка)» упоминает и Ап. Григорьева, приводя известные слова самого Фета из предисловия «К третьему выпуску “Вечерних огней”» (1888): «...все написанные стихотворения, вошедшие в “Лирический Пантеон”¹ и в издание 1850 г., собраны и сгруппированы рукой Аполлона Григорьева, которому

¹ 1840 г. издания. – А. М.

принадлежат и самые заглавия отделов»¹ [10, с. 4]. По поводу сборника 1856 г., *переправленного* Фетом «по настоятельному требованию целого круга друзей, под руководством И.С. Тургенева»², который позднее поэт назовет «настолько же очищенным, насколько и изувеченным»³ [10, с. 4], Ап. Григорьев писал другу студенческих лет (4 января 1858 г.): «Вообще верь только *критикам* в этом деле, а не поэтам, т.е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму»⁴ [ср.: 10, с. 4].

Очевидно, сам Ап. Григорьев умел быть критиком, оставаясь поэтом, хотя резкость некоторых формулировок из его отзыва о стихах Фета, появившегося еще до выхода «несчастливого»⁵ тургеневского издания в составе статьи «Обозрение наличных литературных деятелей» (1855), который также частично приводит Л.В. Чернец, можно объяснить лишь желанием оставаться беспристрастным: «Обыкновенно тонкое чувство зарождается в нем (речь об А.А. Фете. – А. М.) от общего впечатления, производимого на его душу в известный момент природою. <...> На его произведения нужны комментарии, многие его выражения так странны, так натянуты, что, только зная его обыкновенные приемы, можно кое-как оправдать их. <...> Мало ли что понятно и осязательно для самого поэта и его знакомых, которым самое знакомство с его натурою дополняет недомолвки, поясняет странности. С другой стороны, никогда не касаясь глубоких, настоящих чувств души, постоянно выражая только какие-то отблески чувств и зная свою силу в выражении тонких оттенков чувств – Фет большею частию только балуется чувством...»⁶ [ср.: 10, с. 5].

¹ Фет А.А. К третьему выпуску «Вечерних огней» // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений : в 2 т. / вступ. ст. Н.Н. Страхова, Б.В. Никольского. – Санкт-Петербург : А.Ф. Маркс, 1912. – Т. 2. – С. 83.

² Фет А.А. К третьему выпуску «Вечерних огней». – С. 83.

³ Фет А.А. Воспоминания. – Москва : Правда, 1983. – С. 288.

⁴ Григорьев Ап. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. – Москва : Наука, 1999. – С. 175. – (Лит. памятники).

⁵ Выражение из того же письма Григорьева к Фету, см.: Григорьев Ап. Письма. – С. 175.

⁶ [Григорьев Ап.]. Обозрение наличных литературных деятелей // Москвитин. – 1855. – № 15–16. – С. 180. (Фету посвящены с. 178–181 статьи).

Приведенные строки – не первый отзыв Ап. Григорьева о поэзии Фета. Л.И. Соболев переиздал рецензию Григорьева на упомянутый сборник стихотворений Фета 1850 г., им же (Григорьевым) составленный. В предисловии к публикации Л.И. Соболев ограничивается лишь несколькими вводными замечаниями общего характера, однако сам факт републикации первого развернутого критического отзыва Ап. Григорьева о поэзии Фета не лишен значения. Ссылки в последующих работах даются уже не на «Отечественные записки», где впервые появился отзыв¹, а на современное издание². Так, в работе А.В. Тоичкиной [9] сделана попытка проанализировать эту рецензию Ап. Григорьева, который столь «много предопределил и в творческом пути А.А. Фета, и в философской эстетике Н.Н. Страхова» [9, с. 64], будучи чрезвычайно значимой для того и другого и близкой обоим фигурой. Знаменательно, что первое посмертное издание стихотворений Фета, подготовленное Страховым (1894)³, было выстроено «по образцу издания 1850 года, составленного Ап. Григорьевым» [9, с. 64], с сохранением принципа рубрикации, который использовал Григорьев в этом издании. В заметке «Юбилей поэзии Фета»⁴ (1889) Страхов, по мысли автора, вослед Ап. Григорьеву, отмечает у Фета «отсутствие болезненных тем извращений души, разорванности, разлада с собой и миром» [9, с. 69]⁵.

В статье о сборнике стихотворений Фета 1850 г. Григорьеву удается, как считает А.В. Тоичкина, решить по-своему «проблему философского анализа поэтических созданий Фета» [9, с. 65], опираясь «на опыт немецкой идеалистической философии» [там же]

¹ [Григорьев Ап.] Стихотворения А. Фета. Москва, 1849 // Отечественные записки. – 1850. – Т. 68, № 2, Отд. 5. – С. 49–72.

² Григорьев А. Стихотворения А. Фета. Москва, 1849 / вступ. ст., публ. и прим. Л. Соболева // Вопросы литературы. – 2009. – № 2. – С. 406–448.

³ [Фет А.А.]. Лирические стихотворения А. Фета : в 2 ч. / [под ред. К.Р., Н.Н. Страхова]. – Санкт-Петербург : Тип. брат. Пантелеевых, 1894.

⁴ Впервые: Страхов Н.Н. Юбилей поэзии Фета // Новое время. – 1889. – № 4640.

⁵ У Страхова: «...мы не найдем у Фета ни тени болезненности, никакого извращения души, никаких язв, постоянно ноющих на сердце» (Страхов Н.Н. Юбилей поэзии Фета // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений : в 2 т. – Т. 2. – С. 16).

(скорее Шеллинга, чем Гегеля), а «воспринятый на личностном уровне органический подход», позаимствованный у этой философии, позволяет избежать «идеологических натяжек» [9, с. 66]. Далее автор рассматривает григорьевскую критику отдельных разделов сборника 1850 г., отмечая отрицательное отношение к части стихотворений, в которых Григорьев находит «ложь и мертвенность формы» [там же], что не повлияло на общую высокую оценку поэта как «истинного, живого таланта»¹. (В статье упоминается и рассказ Фета «Кактус» (1881)², в котором под собственным именем выведен Ап. Григорьев; процитирован фрагмент из него; к работе, посвященной этому рассказу, мы обратимся позднее.)

В исследованиях Л.В. Чернец и А.В. Тоичкиной – и в этом сходство между двумя работами, разделенными более чем десятилетием, – Ап. Григорьев поставлен в ряд деятелей из фетовского окружения – критиков, издателей, друзей (И.С. Тургенев, В.П. Боткин, А.В. Дружинин, Н.Н. Страхов); такое сопоставление выявляет оригинальность фигуры Григорьева и значимость его деятельности для русской культуры.

Статья В.А. Кошелева [2] специально посвящена участию Григорьева в составлении второго фетовского сборника³. Исследователь, в частности, дает свое объяснение причин, почему в заглавии рецензии Григорьева появилась дата «1849» (вместо «1850» – даты действительного выхода книги). Цензурное разрешение было получено еще 14 декабря 1847 г., а сборник появился более чем через два года. Его издательскую «опеку», как показывает В.А. Кошелев, Фет поручил Григорьеву, так как сам вынужден был вернуться в полк из отпуска, который он провел в Москве, пытаясь уладить дела с изданием⁴. В.А. Кошелев предполагает, что задержка в издании книги могла быть связана «с необязатель-

¹ Григорьев А. Стихотворения А. Фета. Москва, 1849 // Вопросы литературы. – 2009. – № 2. – С. 448.

² Впервые: Фет А.А. Кактус // Русский вестник. – 1881. – № 11. – С. 233–238.

³ См.: [Фет. А.А.]. Стихотворения А. Фета. – Москва : в тип. Н. Степанова, 1850. – 162 с.

⁴ См.: Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета / публ. Б.Я. Бухштаба // А.А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества : [сб. науч. тр.]. – Курск : Изд-во Кур. пед. ун-та, 1994. – С. 294–295.

ностью А.А. Григорьева и с его специфическим образом жизни. Он, кажется, попросту прогулял деньги, оставленные Фетом на типографию» [2, с. 33]. Ситуация разрешилась лишь при очередном приезде Фета в Москву, уже в декабре 1849 г., так что сборник смог наконец выйти в начале следующего года. По мнению В.А. Кошелева, «Григорьев, ощущая свою вину, стремился ее хоть немножко “поуменьшить” – поэтому и в объявлении о выходе сборника, и в статье о нем упорно указывал в качестве года выхода не 1850, а 1849-й... Все-таки пораньше...» [там же].

Все это ничуть не умаляет значения Григорьева как «фактического “составителя” и “организатора” первых фетовских сборников» [там же], на чем исследователь и останавливается подробно. Согласно В.А. Кошелеву, например, именно Григорьев не включил в отдел «Элегии» (IX) четыре стихотворения, из которых три посвящены, по-видимому, Марии Лазич¹, так как «они, что называется, “не вписывались” в сборник, выбивались по тональности из общего настроения всего отдела» [2, с. 35].

В отличие от Тургенева или Страхова, позднейших редакторов фетовских сборников, считавших себя вправе улучшать его стиль, Григорьев видел свою задачу в том, чтобы «составить из разновременных и достаточно разрозненных текстов некое цельное сооружение, соответствовавшее образу поэта» [там же]. Если предыдущий сборник Фета «Лирический Пантеон», к составлению которого Григорьев также приложил руку, был «без особых затей» разделен на «Сочинения» и «Переводы» и если первые разделялись на «Баллады» и «Лирические стихотворения», а последние «были сгруппированы по признаку источника (“Из Горация”, “Из Гёте” и т.п.)» [2, с. 36], то стихи из следующего сборника с самого начала, т.е. на уровне журнальных публикаций, были организованы в лирические циклы, «которые сгруппировал тот же Аполлон Григорьев» [там же]. По мысли самого Ап. Григорьева, высказы-

¹ Элегии «Напрасно, дивная, смешавшись с толпою...» (1850), «Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...» (1850) и «Следить твои шаги, молиться и любить...» (1850) вместе со стихотворением «Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...» (1842) были опубликованы уже после выхода сборника (Пантеон и репертуар русской сцены. – 1850. – Т. 3, № 5. – С. 71–72). См. о них также в: Бухштаб Б.Я. Примечания // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и прим. Б.Я. Бухштаба. – Ленинград : Сов. писатель, 1959. – С. 800.

ной в анонсе сборника¹, эти циклы представляют собой «нечто вроде лирических поэм, проникнутых единством чувства и содержания»².

В сборнике 1850 г. 15 отделов. Кроме последнего, пятнадцатого, включающего переводы («Из Гейне»), остальные образуют «поэмные» или «лирические» структуры. К первым относятся такие отделы, как «Снега», «Гадания», «Вечера и ночи», «К Офелии» и др.; ко вторым – «Мелодии», «Баллады», «Элегии», «Подражание восточному», «Разные стихотворения» и др. Тексты, составляющие «лирические» отделы, отражены в оглавлении; содержание «поэмных» отделов в оглавлении не раскрывается. При этом в отдел «Разные стихотворения» попали такие знаковые тексты, как стихи из цикла «Хандра» (1840), «На заре ты ее не буди...» (1842), «Я пришел к тебе с приветом...» (1843) и т.д., что как будто свидетельствовало об исчерпанности «жанрового» принципа в составлении поэтических сборников.

Все последующие редакторы фетовских сборников: И.С. Тургенев, Н.Н. Страхов, издатель посмертного собрания сочинений Б.В. Никольский – «в конечном счете возвращались к тем принципам, которые придумал Аполлон Григорьев применительно к сборнику 1850 года» [2, с. 40]. Но, в отличие, например, от Тургенева, исправлявшего и браковавшего стихи Фета, Григорьев «вовсе не занимался отбором “лучшего” и не собирался даже на малую толику “приукрашивать” своего друга-поэта. Вполне осознавая, что поэт должен быть представлен своей *личностью*, он в самой структуре его лирического собрания проводил самые разные черты этой личности, подчас – не самые лучшие черты» [там же]. Этим и объясняется строгость некоторых критических оценок Ап. Григорьева, которые были высказаны им в рецензии, опубликованной в «Отечественных записках»³, что не помешало рецензенту констатировать «яркое впечатление от целого» [2, с. 40].

В.А. Кошелев считает, что примером для Ап. Григорьева в его конструировании сборника стихотворений Фета 1850 г. мог

¹ Отечественные записки. – 1850. – Т. 68, № 1, Отд. 6. – С. 1.

² Там же.

³ [Григорьев Ап.] Стихотворения А. Фета. Москва, 1849 // Отечественные записки. – 1850. – Т. 68, № 2, Отд. 5. – С. 49–72.

послужить «Западно-восточный диван» (1819) Гёте: «Аполлон Григорьев стремился к столь же свободной и “органической” конструкции. “Поэзные” отделы сборника чередуются с “лирическими” отделами – а само различие нумерации текстов (причудливое чередование арабских и римских обозначений) становится сигналом соответственной “свободы” или “закрепленности” восприятия» [2, с. 42]. Цель такого конструирования – «воссоздание некоего комплекса разнородных чувств русского поэта в его столкновении с разными сторонами русской действительности. Иные из этих сторон толкают на “замкнутость” и исходную цикличность притяия жизни; другие, напротив, образуют открытые сюжеты и финалы» [там же].

Работа В.А. Кошелева до сих пор остается одной из лучших и наиболее актуальных среди тех, что посвящены теме «Фет и Ап. Григорьев»; в ней, хотя бы отчасти, присутствует то, чего, к сожалению, начисто лишены некоторые другие работы: диалог между двумя, столь не похожими друг на друга, поэтами.

Предметом внимания Е.Г. Новокрещенных в нескольких работах, в том числе в автореферате диссертации [5] и изданной на ее основе, в соавторстве с Т.В. Затеевой, монографии [1], становится поэтика автобиографической прозы А.А. Григорьева, Я.П. Полонского и А.А. Фета; нас, в связи с темой обзорной статьи, будут интересовать лишь Фет и Ап. Григорьев.

В XIX в. еще не существовало термина «проза поэта», однако «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862–1864) Ап. Григорьева, «Мои воспоминания» (1890) и «Ранние годы моей жизни» (1893) А.А. Фета, так же как «Старина и мое детство» (1891) и «Мои студенческие воспоминания» (1898) Я.П. Полонского, предваряют, по мысли автора, ряд ее общих черт – таких, как «поэтическое восприятие мира, наблюдение за чувствами, эмоциями героя, экспрессивность, органично сочетающаяся с постоянно заявляемой личностностью, субъективностью повествования» [5, с. 10–11].

«Мои литературные и нравственные скитальчества» стали непреднамеренным, хотя и «закономерным итогом творчества А.А. Григорьева, его эстетических и нравственных исканий» [5, с. 11]. Сам он определил жанр мемуаров как «историю своих впе-

чатлений»¹. Их своеобразие определяется сочетанием откровенности, исповедальности с объективизмом и историчностью, что достигается «изображением национального колорита, который воссоздан панорамой духа и облика Москвы 1830-х гг., и общесоциально-литературны<х> веяни<й> эпохи» [5, с. 11]. «Ранние годы моей жизни» и «Мои воспоминания» Фета, «<с> точки зрения композиционно-сюжетной структуры и поэтики повествования <...> представляют собой целое, составленное из различных фрагментов и микросюжетов, объединенных между собой общей тематикой» [5, с. 11–12]. Со «скитальчествами» Ап. Григорьева их сближает то, что «подробности частной жизни» [5, с. 12] затушевываются; о «многих значительных фактах» [там же] своей биографии Фет умалчивает. Названные произведения отнесены исследовательницей к «жанру воспоминаний, тяготеющих к беллетризованной форме» [5, с. 13]. Обращаясь в своей прозе к событиям прошлого, поэты «использовали приемы художественной выразительности, сформированные <их> стихотворным опытом» [5, с. 14].

Далее Е.Г. Новокрещенных рассматривает «моменты», которые сближают концепции «образа “я” в лирике и автобиографической прозе» [5, с. 15] поэтов. В стихах Ап. Григорьев обращается «к крайним эмоциональным состояниям <...> – безысходной тоске, неистовой страсти, загулу души» [там же]. Такие черты поэзии Григорьева, как «эмоциональная экспрессивность, риторичность речи, музыкальное начало» [там же] дают себя знать и в его мемуарной прозе. Цитируя известный эпизод из главы «Нечто весьма скандальное о веяниях вообще», в котором Григорьев рассказывает о своем восприятии «Психологических очерков» (Psychologische Skizzen) Ф.Э. Бенеке², автор исследования отмечает, что в этом отрывке своеобразный «строй мыслей автобиографического героя представлен с помощью темповой и ритмической организации повествования» [5, с. 15; 1, с. 35], подкрепленной «сложной синтак-

¹ Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. – Ленинград : Наука, 1980. – С. 10. – (Лит. памятники).

² См.: Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества. – С. 44–45.

сической конструкцией – объемными придаточными предложениями» [5, с. 15; 1, с. 35], раскрывающими его лирическую сущность.

Для Фета и в лирике, и в мемуарах характерно присутствие «параллелизма природного и душевного начал» [5, с. 16; 1, с. 38]. Одни и те же «образные формулы» [5, с. 16] используются и в стихах, и в воспоминаниях, например: эпитет «зеркальный» встречается и в стихотворении «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» (1863), и в «Моих воспоминаниях» («...любуюсь распростертою у ног моих зеркальною влагою вод»)¹; эпитет «освежительно-радостный» фигурирует и в «Ранних годах моей жизни» («Помню, какое освежительно-радостное впечатление произвели на меня зеленеющие поля и деревья...»)², и в стихотворении «Сад весь в цвету...» (1884) («Сад весь в цвету, / Вечер в огне. / Так освежительно-радостно мне!»). Образ Божией Матери, иконографически связанный с живописью Рафаэля, «один из сквозных образов творчества А.А. Фета» [5, с. 17; 1, с. 41], присутствует и в стихах «Владычица Сиона» (1842), «Мадонна» (1842), «К Сикстинской Мадонне» (1864), и в «Ранних годах моей жизни» («Не менее восторга возбуждала во мне живопись, высшим образцом которой являлась на мои глаза действительно прекрасная масляная копия Святого Семейства, изображающая Божию Матерь на кресле с Младенцем на руках <...>»)³.

Для автобиографических героев Ап. Григорьева и А. Фета, внутренняя сущность которых раскрывается в детских воспоминаниях, «организующим центром формирования топоса <...> детства как лирически переживаемого пространства» [5, с. 19] становится образ дома (для Фета – усадебного, в Новоселках, для Григорьева – городского, в Замоскворечье). В воспоминаниях обоих поэтов «значительно идеализирован образ матери, который выступает как особенный, сакральный» [там же].

Заключительная глава посвящена анализу категорий «памяти» и «времени» в автобиографическом повествовании. Е.Г. Ново-

¹ Фет А.А. Мои воспоминания, 1848–1889. – Москва : тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1890. – Ч. 1. – С. 27.

² Фет А.А. Ранние годы моей жизни. – Москва : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1893. – С. 162.

³ Фет А.А. Ранние годы моей жизни. – С. 18.

крещенных выделяет несколько разновидностей категории «памяти»: «память рода», «литературная память», «память сердца», «память эпохи», прибавляя к ним еще «детскую первичную память» [5, с. 20]. По наблюдению исследовательницы, слова с семой «память» регулярно повторяются у Фета и Ап. Григорьева, «встречаясь в их текстах практически в каждом предложении» [там же]; они становятся сигналами припоминания. «Опора на сигналы “памяти”, – продолжает Е.Г. Новокрещенных, – отражает одну из важных особенностей автобиографической прозы – субъектную организацию повествования» [5, с. 21].

В наиболее поздней из опубликованных работ [6] Е.Г. Новокрещенных акцентирует внимание на условиях самообъективации автобиографического героя. Значимым здесь становится изображение окружавших его в прошлом «предметов, мест, природных явлений», его «первые воспоминания и размышления» [6, с. 133; ср.: 1, с. 51]. В григорьевской духовной топографии Замоскворечья как «контрастные образы» [6, с. 134] противопоставлены друг другу дом Козина у Тверских ворот («потерянная Аркадия», «Аркадия Тверских ворот»¹) и дом на Болвановке, неоднозначное отношение к которому передано оценочными эпитетами, в том числе «сложными»: «мрачный, ветхий, полиняло-желтого (цвета. – *А. М.*), плачевно-старых (о воротах. – *А. М.*)» [6, с. 134]. Автор указывает на частотность употребления Григорьевым «существительного “память” и производных от него предикатов: “помню”, “вижу”» [там же], которые «выступают в качестве ведущего аспекта, устанавливающего целостность и связность произведения, служат сигналами автобиографической памяти» [там же]; использование же предикатов «видится», «вижу» способствует «переводу мемориальной деятельности в зрительный регистр» [там же]. Подводя итог, Е.Г. Новокрещенных констатирует, что в воспоминаниях поэтов «<л>ексемы с семой “память” и производные от <них> единицы являются своеобразным каркасом мысленных воспроизведений прошедших событий. В мнемонической формуле “я вспоминаю” акцентируется активная работа автобиографического героя, соеди-

¹ Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества. – С. 11, 21.

няющего воедино прошлое и настоящее, а точнее – переводящего план прошлого в план настоящего» [6, с. 135–136].

Многое в работах Е.Г. Новокрещенных может, на первый взгляд, показаться тривиальным, хорошо известным по работам других исследователей, однако здесь собран большой материал и немало верных наблюдений, пусть и достаточно точечных; ознакомление с ними безусловно полезно.

Л.В. Татаренкова в работе [7] также отталкивается от биографического материала: совместное обучение Фета и Григорьева в Московском университете, жизнь под одной крышей, общая страсть к поэзии и театру, пересекающиеся любовные линии. По мнению Л.В. Татаренковой, «в течение всей жизни Григорьев был намного внимательнее к Фету, чем Фет к нему: и в быту, и в отношениях, и в творчестве» [7, с. 7]. Автор считает также, что «на протяжении всей жизни Фет и Григорьев пребывали в постоянном творческом диалоге» [там же]. Следы этого взаимодействия, по мнению Л.В. Татаренковой, можно отыскать не только в рассказе Фета «Кактус», что общеизвестно, но и в его рассказе «Дядюшка и двоюродный братец» (1855)¹. В свою очередь восхищение Ап. Григорьева литературным талантом Фета отразилось если и не во всей трилогии о Виталине (1845–1846), как считает автор, то, по крайней мере, в повести «Офелия. Одно из воспоминаний Виталина» (1846).

Здесь же затронут сюжет творческой переключки в стихах Ап. Григорьева «Доброй ночи» (1843) и Фета «Лихорадка» (1847), который был выделен автором в специальную статью, опубликованную еще до защиты диссертации; к ней мы обратимся ниже.

Уделено внимание и религиозным мотивам у обоих поэтов. О специфической религиозности Григорьева свидетельствуют два его стихотворения под названием «Молитва» – 1843 и 1845 гг., в которых Л.В. Татаренкова находит «установку субъекта молитвенного события на охранное воздействие произносимого слова» [7, с. 11]. По жанру к ним близко стихотворение «Воззвание» (1844), согласно Л.В. Татаренковой, «передающее требовательно-

¹ Ср.: «Настаивать на том, что Аполлон Григорьев был прототипом главного героя, думается, нет достаточных оснований, но все же образ этот является столь ярким и узнаваемым, что полностью отказываться от мысли о художественном воспроизведении Фетом детства Григорьева вряд ли можно» [7, с. 8].

страстную интонацию Псалтири» [7, с. 11]. Лирический цикл Ап. Григорьева «<Дневник любви и молитвы>» (начало 1850-х годов), предваряющий его «главный» стихотворный цикл – «Борьба» (1843–1857), свидетельствует о том, что «вера у Григорьева предполагала не следование догматам официального православия и даже не внутреннее самоуглубление в идеал и благоговение перед его совершенством, а неуспокоенность, поиск, смятение» [там же].

Автор настаивает на том, что отношение Фета к религии «было запретной для посторонних зоной, где происходили особые, не известные нам таинства и проговаривались не слышимые посторонним молитвы» [7, с. 14–15]. Об этом свидетельствуют сонеты «Владычица Сиона», «Мадонна» (уже названные в другой связи), «стихотворная молитва» «Ave Maria» (1842), стихотворения «Ночь тиха. По тверди зыбкой...» (1842 или 1843), «Не первый год у этих мест...» (1864) и др. Если в лирике Фета образ Богоматери получает культурно-историческое и эстетическое, а не этическое осмысление, то у Григорьева «тема Мадонны осмысляется этически – как поиск образа идеальной женщины и отношения к ней – и эстетически – как идеал искусства» [7, с. 16]. Каждый из них «находит свою Мадонну: Фет – Сикстинскую, Григорьев – Мадонну Мурильо» [там же].

Отдельно рассмотрена любовная тематика в творчестве обоих поэтов, определены такие черты сходства в ее воплощении, как тяготение к циклизации, к форме «лирического дневника», подчеркнута автобиографичность стихотворений. У Фета это, прежде всего, стихи, посвященные М.К. Лазич, которые писались им на протяжении нескольких десятилетий (1850–1887); условный «боткинский» цикл; стихи, посвященные С.А. Толстой. У Ап. Григорьева – циклы стихотворений «К Лавинии» (1843–1845), «Титании» (1857), «Борьба» и другие (тяготение к циклизации любовной лирики, как считает Л.В. Татаренкова, в творчестве Григорьева проявилось сильнее). По мысли автора, «в создании женского идеала Фет продолжает начинания А. Григорьева и в то же время во многом предопределяет поэтические открытия В. Соловьева, А. Блока» [7, с. 23].

Пolemическую реплику вызвала статья Л.В. Татаренковой ««Сестры-лихорадки» в стихотворениях А. Григорьева и А. Фета» [8]. Еще Б.Я. Бухштаб в примечаниях к фетовской «Лихорадке»

отмечал: «Обращает внимание сходство этого стихотворения со стихотворением А. Григорьева “Доброй ночи”. Обща не только тема, но, по-видимому, оба поэта пользовались одним и тем же материалом, и при сопоставлении их стихотворения производят впечатление написанных в порядке поэтического состязания»¹. Эту тему подхватил позднее А.А. Илюшин (со ссылкой на Б.Я. Бухштаба): «Если так, то, кажется, победил Григорьев, чья поэтическая биография начинается стихотворением “Доброй ночи”»². Л.В. Татаренкова, однако, ставит эту тему заново, без ссылки на предшественников: «Есть все основания говорить о генетической природе сходства двух текстов, так как в 1844–1845 гг. между Григорьевым и Фетом велась активная переписка, и мы можем предположить, что стихотворение “Доброй ночи” было известно Фету из писем А. Григорьева» [8, с. 189] (заметим, что стихотворение Григорьева могло быть известно Фету и из печати, так как было опубликовано в 1843 г. в седьмом номере журнала «Москвитянин»³, где Фет также сотрудничал).

Автор обращается к первоисточникам предания о лихорадках-лихоманках, воспетых обоими поэтами, – народным поверьям, которые были зафиксированы еще М.Д. Чулковым⁴. Приводится, в частности, текст заговора от лихорадки с упоминанием св. Сисиния и Михаила-архангела⁵, даются сведения о редкой иконе с изображением демонических дев-лихорадок, побеждаемых святым

¹ Бухштаб Б.Я. Примечания. – С. 748.

² Илюшин А.А. Лихорадочный поэт : к заметкам об Аполлоне Григорьеве // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2003. – № 3. – С. 9. Выше А.А. Илюшин замечает по поводу «Доброй ночи»: «Первое опубликованное стихотворение поэта» (там же. – С. 8).

³ Опубл. «за подписью “А. Трисмегистов”» (Егоров Б.Ф. Примечания // Григорьев Ап. Стихотворения. Поэмы. Драмы / подгот. текста, сост., вступ. ст. и прим. Б.Ф. Егорова. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. – С. 693).

⁴ Чулков М.Д. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч., соч. М. Ч. – Москва : тип. Ф. Гиппиуса, 1786. – С. 230–231. Часть ст. Чулкова о лихорадках процитирована в: Бухштаб Б.Я. Примечания. – С. 749.

⁵ Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян : поэт. воззрения славян на природу : [в 3 т.]. – Москва : ЭКСМО ; Санкт.-Петербург : Terra Fantastica, 2002. – Т. 3. – С. 86, 88.

и архангелом¹. Отмечается, что «женский облик болезни и смерти» [8, с. 190] традиционен для русских поверий. Автор считает, впрочем, что поэты пользовались не книжными источниками, а «“живыми” народными преданиями, услышанными А. Григорьевым и А. Фетом в студенческие годы в доме Григорьева или Фетом в родной Орловской губернии» [8, с. 191]. По мысли автора, оба стихотворения связывает «общий сюжет» [8, с. 190]: в стихотворении Григорьева героиня, может быть заочно, слышит от «лирического героя» страшную историю на ночь, а у Фета «пробудившийся ото сна герой ощущает приближение болезни, приключившейся от поцелуя лихоманок» [там же]. Пользуясь показаниями обоих текстов, автор далее составляет совокупный портрет «лихоманок», вполне соответствующий народным преданиям, отмечает, что Ап. Григорьев «обращается к малораспространенному поверью о том, что лихорадки живут в воде» [8, с. 191], которое было в свое время зафиксировано в Курской, Воронежской, Пермской областях.

Ситуация стихотворения Фета, представляющего собой диалог героя с няней, отсылает, согласно Л.В. Татаренковой, к третьей главе «Евгения Онегина», сцене письма, также изображающей диалог с няней Татьяны Лариной. Обе няни и не догадываются «об истинных причинах озноба» [там же], охватившего их подопечных. Стихотворение Ап. Григорьева монологично, напоминает колыбельную и «структурировано при помощи традиционных романтических бинарных <оп>позиций – добро / зло, свет / тьма, ангел / демон (в данном случае женский демон-лихорадка)» [там же]. И у него лихорадка – не столько простудное заболевание, сколько «любви недуг»². Оба стихотворения, в интерпретации автора, оказываются связанными друг с другом диалектическим единством: «У Григорьева лихорадка подобна “недугу” любви, а у Фета, наоборот, пробуждающаяся любовь рождает лихорадку» [8, с. 192].

М.И. Маслова [4] приводит несколько возражений против концепции Л.В. Татаренковой, главное из которых вызвано недо-

¹ Ссылка дается на одну из версий интернет-издания: Сисиний // Платонов О. Святая Русь : энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – 2000. – 1148 с. – URL: <http://interpretive.ru/dictionary/395/word/sisinii> (дата обращения: 13.04.2022).

² Григорьев Ап. Стихотворения. Поэмы. Драмы. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. – С. 52.

статочностью, на ее взгляд, «религиозно-исторического комментария» [4, с. 205], предложенного предшественницей. Так, легенда о св. Сисинии приводится «без пояснений о происхождении и особенностях ее бытования в русской религиозной культуре» [там же], между тем, по словам М.И. Масловой, у этой легенды «сложные и противоречивые отношения <...> с каноническими текстами» [там же], а отнесение самого св. Сисиния из этой легенды к сорока мученикам Севастийским вызывает вопрос.

Сомнительной представляется М.И. Масловой и идентификация героя «Лихорадки» Фета как «мальчика-подростка» [см.: 8, с. 191], на что в тексте стихотворения «нет никаких указаний» [4, с. 205]; присутствие же няни ни о чем не говорит – и вообще не может считаться аргументом «после известных произведений А.С. Пушкина (“Зимний вечер”, “Няне”))» [4, с. 206]. Нельзя, по мнению М.И. Масловой, говорить и об «общем сюжете» двух стихотворений, кроме возможного заимствования Фетом у Григорьева «количества сестер-лихоманок (девять)» [там же], так как в этих произведениях разные «романтические коллизии» [там же]. На предположение предшественницы о том, что поэты могли пользоваться «живыми» народными преданиями для создания произведений, М.И. Маслова, со ссылкой на В.А. Кошелева¹, возражает, что, вероятнее всего, «Фет и Григорьев “услышали” магические заговоры и “народные предания” на лекциях профессора И.М. Снегирева, который был автором книги “Русские простонародные праздники и суеверные обряды” (1838, Москва)» [4, с. 209].

Под прицел критики М.И. Масловой попадают и сами поэты. Так, на взгляд исследовательницы, в стихотворении Ап. Григорьева «предостережение о лихорадках оказывается соблазном, искушением, потому что героине предлагается вообразить, как “жгуч и сладок” поцелуй недужной *страсти*, рядом с которой уже не “работают” на сюжет упоминаемые далее “светлые Божьи силы”. В итоге стилистически стихотворение “разваливается” – не то колыбельная, не то эротический этюд» [там же]; «...у Григорьева и

¹ Кошелев В.А. Цикл А. Фета «Гадания» // Афанасий Фет и русская литература : XXII Фетовские чтения : (Курск, 20–22 сентября 2007 г.). – Курск : КГУ, 2008. – С. 10.

Фета речь идет о страсти, и откровенно признать ее болезненную, нечистую природу обоим поэтам позволяет обращение к художественным образам народного «чернокнижия» [там же]. Однако описывая лирическую ситуацию фетовского стихотворения, М.И. Маслова проницательно отмечает: «Лихорадка влюбленности лирического героя в некую земную женщину (да и это мы можем только предполагать) “накладывается” на фольклорный мотив поцелуя демона-лихоманки, что в конечном итоге дает тесное переплетение эмоциональных и эстетических представлений, из коих и возникает поэтический образ женщины-лихорадки» [4, с. 210].

В статье того же автора «Аполлон Григорьев и Афанасий Фет: поэзия в иконографическом аспекте» [3] дается более положительная программа исследования происхождения указанных произведений. По словам М.И. Масловой, содержание ее новой статьи «представляет собой своеобразную “визуальную репрезентацию” монолога героя стихотворения Ап. Григорьева “Доброй ночи” и диалога лирических героев¹ баллады Фета “Лихорадка»» [3, с. 138]. Образы обоих стихотворений заимствованы из фольклора, а именно – «заговоров от лихорадки», которые восходят к «средневековой эллинистической легенде» [3, с. 140] о св. Сисинии, победившем женщину-демона (Гилу), назвав «двенадцать с половиной» ее тайных имен. Это предание отнесено Церковью к разряду апокрифов, как и сами заговоры, на сюжеты которых были написаны «неканонические» иконы, также отвергнутые православной традицией. Именно этот визуальный материал автор и пытается привлечь к исследованию для расширения «диапазона... филологических наблюдений» [там же]. В частности, описание иконы, изображающей трясовиц, поражающего их архистратига Михаила и св. Сисиния, М.И. Маслова приводит по исследованию А.Н. Веселовского², откуда оно впоследствии было заимствовано, без ссылки, некоторыми недобросовестными исследователями; на них, в частности, ссылается и Л.В. Татаренкова (см. выше). М.И. Маслова отмечает также, что «иконописные образы сестер-лихоманок всегда связаны с образами небесных посланников –

¹ Видимо, героев лирического стихотворения. – А. М.

² Веселовский А.Н. Заметки к истории апокрифов. I. Еще несколько данных для молитвы св. Сисиния от трясовиц // ЖМНП. – 1886. – № 5. – С. 291.

архангелов Михаила и Сихаила»¹ [3, с. 143], что может иметь некоторое отношение к пониманию, по крайней мере, стихотворения Ап. Григорьева.

Думается, что не все возможные аспекты сопоставления двух произведений (Фета и Григорьева) в охарактеризованной выше полемике затронуты. Прежде всего, стихи в этих работах не разбираются как таковые, а это особая задача. Определенные перспективы, как нам кажется, заключены в исследовании «семантического ореола метра»² обоих стихотворений; возможны и другие подходы, которые заслуживают отдельного разговора.

Работа С.А. Шульца [11] переводит вопрос об отношениях двух поэтов в поле интертекстуальных исследований. Согласно С.А. Шульцу, «факт содержательного творческого и дружеского диалога Фета и Григорьева, берущего начало с конца 1830-х годов» [11, с. 22], хрестоматийно известен. Эпизод, изображенный в рассказе «Кактус», относится к 1856 г.³ В облике Ап. Григорьева, выведенного под своим именем, «принципиальны и “цыганщина”, и <...> настроенность на тончайшие метафизическо-эротические созерцания» [11, с. 23], ставшие элементами образа Федора Протасова в «Живом трупе» (1900) Л.Н. Толстого. В рассказе Фета «<к>актус становится символом личности Григорьева, рано и безвременно ушедшего из жизни во цвете своего дара», об этом символизме свидетельствуют «детали яркой и гибельной “биографии души” Григорьева» [11, с. 24], разбросанные в тексте. Опираясь на дневниковые записи Толстого⁴ и эпизоды его эпистолярного общения с Фетом, автор утверждает, что, «<к>онечно, имели место и устные разговоры Толстого с Фетом о неповторимой личности покойного Григорьева» [11, с. 25]. Слова Саши о Фёдоре в «Живом трупе»: «Он не дурной, а, напротив, удивительный, удивительный

¹ Имя второго архангела также неканонично, по замечанию автора.

² См., напр.: Левин Ю.И. Послесловие. Семантический ореол метра с семиотической точки зрения // Гаспаров М.Л. Метр и смысл. – Москва : Фортуна ЭЛ, 2012. – С. 405–408.

³ См.: Егоров Б.Ф. Примечания // Григорьев А.А. Воспоминания. – Ленинград : Наука, 1980. – С. 422. – (Лит. памятники).

⁴ Толстой Л.Н. Дневники, 1847–1894 // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Худож. лит., 1985. – Т. 21. – С. 154, 165, 218, 219, 258.

человек, несмотря на его слабости»¹ – могут быть отнесены и к Ап. Григорьеву. В связи с этим можно говорить об «особой метафизической и духовно-эстетической эмоциональности Протасова (и в ретроспективе – самого Григорьева)» [11, с. 25], соответствующие же акценты, согласно С.А. Шульцу, были расставлены еще «фетовским повествователем в “Кактусе”» [там же]. Автору представляется очевидным, что «<<с>имволическая история празднования раскрытия цветка кактуса в фетовском рассказе – это история так и не раскрывшейся перед всеми в полной мере, загубленной жизни самого Григорьева» [11, с. 26]. Реплика повествователя «Скоро раздались цыганские мелодии, которых власть надо мною всесильна»², по замечанию С.А. Шульца, «неожиданно сближает его автообраз с образом Григорьева в роднящей их общей теме “гибельности”, “потери”. <...> Финал “Кактуса”, да, собственно, и весь рассказ, таким образом, предстает “плачем” Фета не только по Григорьеву, но и по самому себе» [11, с. 26]. Знаменитый пассаж позднего Фета «Не жизни жаль с томительным дыханьем...» из стихотворного послания «А.Л. Бржеской» (1879) оказывается обращенным и «к нераскрытым жизненным историям Григорьева и его самого, осмысляемым в позднем рассказе “Кактус”» [11, с. 27].

Попутно С.А. Шульц акцентирует внимание на сходстве толстовской категории «живой жизни» с концепцией «органической критики» Ап. Григорьева: «Искусство, долженствующее коррелировать с жизнью, понимается Григорьевым и Толстым не просто как медиум живой жизни, а как ее часть, как сама жизнь» [11, с. 25]. В завершение автор предлагает парадоксальное замечание: «Диалог Фета с миром и с читателем оказывается неотделим и зависим от диалога внутри “я” самого автора. То же допустимо сказать о диалоге внутри “я” и Григорьева, и Федора Протасова» [11, с. 30].

Тема «Фет и Ап. Григорьев», как показывают охарактеризованные выше работы, далеко не исчерпана. Так, исследования В.А. Кошелева и С.А. Шульца (сами по себе достаточно разнопла-

¹ Толстой Л.Н. Драматические произведения, 1864–1910 // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 11. – С. 276.

² Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма / [вступ. ст. А.Е. Тархова; сост. и примеч. Г.Д. Аслановой и др.]. – Москва : Сов. Россия, 1988. – С. 258.

новые) намечают перспективы и направления, которые отечественному литературоведению предстоит еще развивать в будущем.

Список литературы

1. Затева Т.В., Новокрещенных Е.Г. Автобиографическая проза поэтов XIX века : А.А. Григорьев, Я.П. Полонский, А.А. Фет. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 128 с.
2. Кошелев В.А. О композиции сборника «Стихотворения А. Фета» 1850 года // А.А. Фет : материалы и исследования : [сборник]. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2010. – [Т.] 1. – С. 30–42.
3. Маслова М.И. Аполлон Григорьев и Афанасий Фет : поэзия в иконографическом аспекте // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2014. – № 5. – С. 138–148.
4. Маслова М.И. Еще раз о «лихоманках» у Григорьева и Фета // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2 (58). – С. 205–211.
5. Новокрещенных Е.Г. Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX в. : А.А. Григорьева, Я.П. Полонского, А.А. Фета : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2008. – 23 с.
6. Новокрещенных Е.Г. Языковые особенности автобиографического текста : автобиографическая проза А.А. Фета, Я.П. Полонского, А.А. Григорьева // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019. – № 3. – С. 133–136.
7. Татаренкова Л.В. Афанасий Фет и Аполлон Григорьев. Личностное и творческое взаимодействие : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орловский государственный университет. – Орел, 2010. – 25 с.
8. Татаренкова Л.В. «Сестры-лихорадки» в стихотворениях А. Григорьева и А. Фета // Ученые записки Орловского госуниверситета. Научный журнал. – 2010. – № 1 (35). – С. 189–192.
9. Тоичкина А.В. Н.Н. Страхов о поэзии А.А. Фета (к проблеме осмысления русской философией религиозных оснований литературы) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 63–71. – DOI: 10.18413/2408-932 X-2021-7-1-0-6.
10. Чернец Л.В. О литературных друзьях А.А. Фета (к проблеме поэтического языка) // Филологические науки : научные доклады высшей школы. – 2008. – № 1. – С. 1–14.
11. Шульц С.А. А.А. Фет, А.А. Григорьев, Л.Н. Толстой : (посвященный А. Григорьеву рассказ А. Фета «Кактус» как претекст «Живого трупа» Л. Толстого) // Литературоведческий журнал. – 2020. – № 3 (49). – С. 21–31. – DOI: 10.31249/litzhur/2020.49.02.